

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 2

English version: [Melnikova O.T., Krichevets A.N., Khoroshilov D.A. Historical and epistemological context of the development of qualitative research in psychology. Part 2](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

В статье продолжается обсуждение истории качественных исследований в психологии в контекстах герменевтики и феноменологии, феноменологической социологии и психиатрии, а также этнометодологии. Рассматриваются современные теории – социальный конструкционизм, дискурсивная, нарративная и критическая психологии – и их ориентация на качественные методы исследования. Обозначаются междисциплинарные проекты качественных исследований – культуральные, гендерные, феминистические. В завершение статьи формулируется ключевой тезис, согласно которому качественная методология является критической герменевтикой психологического знания.

Ключевые слова: качественные исследования, герменевтика, феноменология, этнометодология, социальный конструкционизм, дискурс, нарратив, критическая психология, рефлексивность

Мы продолжаем обсуждение истории качественных исследований. Первая часть статьи заканчивалась утверждением о том, что методической реализацией символического интеракционизма является метод обоснованной теории. Кратко охарактеризуем его.

Метод обоснованной теории возник в рамках американской социологии в 1960-е гг. как критика 1) доминирования количественных исследований, 2) теории структурного функционализма Т.Парсонса, который фокусировался на изучении структуры общества и социальных институций, 3) развития и проверки «теорий среднего уровня», объясняющих конкретные социальные явления. Книга Барни Глазера и Ансельма Страусса «*Открытие обоснованной теории*» [Glaser, Strauss, 1967] отразила всплеск интереса к качественным исследованиям; авторы одни из первых сформулировали важные принципы качественного анализа, объединившие, с одной стороны, опыт полевых урбанистических исследований, проведенных под эгидой университета Чикаго, где учился Страусс, а с другой стороны – систематичный подход к количественным исследованиям, развиваемый П.Лазарсфельдом в Колумбийском университете – alma mater Глазера. Текст о том, как следует проводить качественные исследования, стал событием, ибо до этого момента несколько поколений студентов осваивали их под руководством наставника и на реальном опыте работы в поле, знания передавались от учителя к ученикам по своеобразной устной традиции.

К.Чармаз формулирует значение книги Страусса и Глазера в истории социальных исследований следующим образом [Charmaz, 1995]:

- в ней преодолевается разрыв между теорией и исследованием;
- качественные исследования обосновываются как самостоятельный инструмент изучения данных, а не предваряющий или дополняющий количественные;
- задается строгая и систематичная процедура качественного анализа;
- разделяются фазы сбора и анализа данных в исследовании;
- обосновывается позиция, согласно которой качественные исследования дают не только описания единичных случаев, но и позволяют развивать целые теории.

Как отмечалось в первой части статьи, метод обоснованной теории (более точный перевод: «метод построения теории, укорененной в данных») изначально основывался на философии прагматизма Дж.Дьюи, а также идеях символического интеракционизма Дж.Мида – Г.Блумера, акцентировавших динамический характер взаимодействия между людьми, их способность интерпретировать окружающий социальный мир и обмениваться друг с другом значениями, закрепленными символически в словах и знаках. Метод нацелен на изучение того, как люди понимают и действуют в различных социальных ситуациях и контекстах, а процедура анализа предполагает активное взаимодействие исследователя с респондентами и данными, в ходе которого и генерируется теория.

Можно сказать, что метод обоснованной теории претендует на создание «теорий среднего уровня». Но в отличие от Р.Мертон, полагавшего, что такие теории составляют утверждения, «из которых логически выводятся и подтверждаются экспериментальным исследованием конкретные гипотезы» [Мертон, 2006, с. 99], Глазер и Страусс настаивают на ином: теории выводятся не дедуктивно-экспериментальным, а *индуктивным* путем из самих данных для объяснения социального поведения и процессов. От описания теория отличается по двум критериям: *во-первых*, она использует понятия, то есть интерпретирует данные, классифицирует их по группам и присваивает им понятийные ярлыки; *во-вторых*, формулирует взаимосвязи между данными [Страусс, Корбин, 2001]. Теория призвана не просто описать интересующее нас явление, но и предложить его логичное объяснение.

Мы уже упоминали, что метод обоснованной теории использовался для изучения проблематики здоровья и болезни, здравоохранения и социальной работы. Сегодня круг рассматриваемых вопросов существенно расширился, и сам метод вошел в обиход смежных с социологией дисциплин, в том числе – и в психологию. Выделяются четыре основных вариации метода, а именно: классические варианты Глазера [Glaser, 1992] и Страусса и Дж.Корбин [Страусс, Корбин, 2001], конструкционистский подход К.Чармаз, один из наиболее авторитетных на сегодняшний день [Charmaz, 2006], «ситуационный анализ» А.Кларке, испытавший влияние постмодернизма [Clarke, 2005].

Феноменология и герменевтика

Дж.Маклеод, обсуждая эпистемологические презумпции качественной методологии в психотерапии и консультировании, считает, что «истоки всех качественных исследований находятся в герменевтике и феноменологии», и находит правомерным их противопоставление [McLeod, 2001, с. 56]. В приведенном случае речь идет о двух *модусах* понимания – герменевтическом и феноменологическом – как двух комплементарных познавательных установках [Бусыгина, 2013]. Кратко говоря, если *феноменология* пытается отбросить исходные предположения об объекте исследования и описать его сущностные характеристики, каким он является сам по себе, то *герменевтика*, напротив, занимается интерпретацией этого объекта в разных исторических и социальных контекстах, причем мы никогда не сможем до конца освободиться от влияния культуры и языка, задающих аксиоматические условия и «горизонты» любого пред-понимания. Обе эпистемологические традиции, несмотря на указанные различия, акцентируют, *во-первых*, значение активности и интенциональности мыслящего человека в конструировании мира, *во-вторых*, роль языка в познании, *в-третьих*, ориентируют исследователей на развитие понимания. По мнению

Маклеода, противопоставление феноменологии и герменевтики снимается в философии М.Хайдеггера (ср.: «феноменология Dasein есть герменевтика в исконном значении слова, означающем понятие истолкования» [Хайдеггер, 1997, с. 37]).

Глубинная и критическая герменевтика

С точки зрения Ю.Хабермаса, *глубинная герменевтика* – чей принцип реализуется в теории психоанализа – претендует на освобождение человека от «систематически искажаемой коммуникации» и довлеющих над ним иррациональных сил бессознательного, что в социальных науках оборачивается *критической герменевтикой*, которая занимается раскрытием идеологической обусловленности социального познания и связана с «эмансипаторским» интересом, направленным на достижение полноправности и свободы в обществе [Хабермас, 2007]. С этой точки зрения качественные исследования раскрывают влияние социальных условий на человека и ориентированы на «сохранение достоинства (quality) человеческой жизни перед лицом возрастающего технологического прогресса и деперсонализации» [Hoshmand, 1997, с. 21], то есть они претендуют на роль *агента социальных изменений* в обществе. Образец работы, выполненной в ракурсе социальной критики, – *исследование авторитарной личности* Т.Адорно, в котором использовались как стандартизованные инструменты измерения, в частности знаменитая F-шкала фашизма, так и качественные методы – глубинные интервью и проективные техники [Адорно, 2012]. Работа Адорно и его коллег в полной мере воплотила критический пафос Франкфуртской школы.

В качественных исследованиях различие между обсуждаемыми типами познания заключается в том, что, тезисно говоря, феноменология является *методологией описания*, а герменевтика – *методологией интерпретации*. Через это различие лежит путь к одной из ключевых проблем качественных исследований – проблеме соотношения фактического описания данных в том виде, как «они есть» или «были получены из первых рук», то есть репрезентации значений с точки зрения самих людей и их последующей интерпретации – конструирования значений в уже заданных дисциплинарных и теоретических контекстах познания. Интерпретация вписывается в *герменевтический круг*: по мысли Г.-Г.Гадамера, «процессом конструирования уже руководит ожидание смысла, вытекающее из всего предшествующего контекста» [Гадамер, 1991, с. 72]. Но раз интерпретация опосредована теорией, а следуя логике Ю.Хабермаса – и идеологическим контекстом развития науки, возникает вопрос о реализации социальных, ценностных и личных смысловых позиций в качественных исследованиях и, следовательно, об их влиянии на валидность проводимого анализа. Данная тема должна обсуждаться отдельно.

Феноменология и герменевтика ассоциируются сегодня и с конкретными методами качественных исследований в психологии: здесь речь идет, с одной стороны, о методах *описательной* [Giorgi, Giorgi, 2008] и *интерпретативной* феноменологии [Eatough, Smith, 2008]; с другой – о методах «*глубинной*» [König, 2004] и «*объективной*» *герменевтики* [Reichertz, 2004], получивших распространение в немецкоязычных странах.

Феноменологическая социология, психология и психиатрия

Развитие методов описательной и интерпретативной феноменологии происходило одновременно в рамках социальных и клинических исследований и объединилось в знаменитом движении антипсихиатрии, поэтому анализ феноменологической традиции качественных исследований предполагает обращение как к их социологическим, так и психологическим импликациям.

В логике поздней гуссерлианской феноменологии А.Шюц сформулировал понятие *жизненного мира* – мира обыденных представлений как смысловых взаимосвязей и сетей, в которых живет и взаимодействует с другими людьми человек: «наш повседневный мир с самого начала есть интерсубъективный мир культуры» [Шюц, 2009, с. 530]. Социальное, трактуемое

феноменологически, есть «универсум всеобщих значений, переживаемых и интерпретируемых людьми в их повседневной жизни» [Смирнова, 2009, с. 116]. Но коль скоро индивиды, взаимодействуя друг с другом, сосредотачивают внимание на различных аспектах социальной реальности, они создают свои собственные уникальные жизненные миры – из этого следует *принцип множественности социальных реальностей*; наряду с ним два других принципа, сформулированные социальными феноменологами, – *эпоха*, то есть воздержание от суждений и оценок относительно социального устройства, и утверждение о *конституированности мира смыслами и обыденными интерпретациями* – позволяют говорить об особой *феноменологической модели* социальной реальности [Пигров, 2005].

В проектах феноменологической психологии и психиатрии (см. наиболее полные обзоры на русском языке: [Власова, 2010, Улановский, 2012]) постулируется возможность изучения опыта переживания в том виде, как оно представляется и воспринимается в сознании человека без «редуцирующих» истолкований и схематизаций; на практике цель достигается с помощью метода феноменологического анализа. В клинической практике выделяется три его наиболее значимых принципа [Холмогорова, 2010]: 1) детальное описание переживания, предполагающее использование не объяснительных, а именно описательных понятий, которые отражают то, что здесь-и-сейчас действительно чувствует человек; 2) непредвзятость – следует отбросить теоретические конструкции и наличные гипотезы, чтобы сосредоточиться на непосредственном описании внутреннего опыта; 3) экспликация и описание опыта на языке опыта, то есть использование в исследовании прежде всего обыденного языка, богатого поэтическими метафорами и сравнениями.

Таким образом, феноменологическая установка в качественных исследованиях заключается в том, что не существует одного-единственного истинного значения события в отрыве от опыта людей, любое событие существует во множестве его переживаний и обыденных интерпретаций, а основная задача качественного анализа – реконструировать смысловые паттерны опыта в их множественности.

Этнометодология

В социологической традиции считается, что этнометодология – это инвариант феноменологической социологии, в то время как в социальной психологии она относится к теоретической ориентации символического интеракционизма [Андреева, Богомолова, Петровская, 2001], с акцентом на символическом и ситуативном аспектах социальных взаимоотношений: обычно этнометодологи сосредотачивают внимание на непосредственно наблюдаемой «сценической» активности, то есть на том, какой смысл придают люди взаимодействиям друг с другом и по каким негласно разделяемым правилам организуют социальный порядок [Ten Have, 2004]. При раскрытии формальной смысловой структуры этого порядка этнометодологи воздерживаются от каких-либо его оценок или готовых интерпретаций – эта установка называется *«этнометодологическим безразличием»* (ethnomethodological indifference) [Coulon, 1995]. Иными словами, изучение знания и рутинных действий, основанных на здравом смысле, определяется конкретным контекстом взаимодействия и не является только монополией ученых, а в равной степени принадлежит и обычным людям – так утверждает автор этнометодологии Г. Гарфинкель [Гарфинкель, 2007].

Один из наиболее известных методов качественного анализа – *метод анализа разговорной речи, или конверсационный анализ* (conversational analysis), – имеет очевидное этнометодологическое происхождение. Основатели этого метода – Г. Сакс, Э. Щеглофф и Г. Джефферсон – объявляют принципом межличностных взаимодействий «моделирование реципиента» (recipient design), означающее, что участники интеракции строят разговор так, чтобы быть понятым собеседником, исходя из тех знаний, которые, как им кажется, они разделяют [Sacks, Schegloff, Jefferson, 1974]. Анализ микроструктуры межличностных взаимодействий исходит, в свою очередь, из трех ключевых допущений [Heritage, 1996]: 1) вербальное взаимодействие является структурно

организованным; 2) вклад, вносимый каждым участником взаимодействия, обусловлен контекстом коммуникативной ситуации; 3) эти характеристики актуализируются в каждой детали разговора, следовательно, нельзя рассматривать ни одну из них как малозначимую, случайную и «неправильную». Обычно для анализа используются записи спонтанных устных разговоров.

Вместе с тем некоторые авторы критикуют метод за «позитивизм» и предлагают вывести за пределы качественной методологии [Parker, 2005]. Сказанное означает, что чрезвычайное внимание к формальной структуре взаимодействий в разговорном анализе вступает в противоречие с ориентацией качественных исследований на изучение субъективных представлений, что ставит под вопрос уместность включения данного метода в корпус качественных.

Качественные исследования и теоретические инновации в психологии

Как самостоятельный тренд качественная методология возникает в 60-е и 70-е гг. XX века – эти годы в историографии социальной психологии считаются этапом кризиса [Андреева, Богомолова, Петровская, 2001]. Кризисные явления характеризовались изменениями не только в понимании исследовательских задач (переориентации социальной психологии на изучение социального контекста и культуры), но и предметного поля, задаваемого новыми теориями «верхнего уровня» – к таковым относятся теории социальных представлений, этогенической и дискурсивной психологии и др. Сторонники названных теорий высказали весьма критическое отношение к когнитивным и бихевиоральным подходам, поднимая, в частности, вопросы о культурно-исторической обусловленности социального познания, взаимосвязи науки и общества, взаимодействия личности и группы. Для поиска ответов на эти вопросы они обращались к идеям социального конструкционизма.

Социальный конструкционизм – это реализация *постмодернистской* картины мира в психологии. Хотя, как в своей обычной ироничной манере заявляет А.М.Пятигорский, «постмодернизм – при всей его антиисторичности – это типичный случай исторического самосознания европейского – особенно французского интеллектуала» [Пятигорский, 2005, с. 368], его влияние в социальных науках остается значительным и сегодня [Орлова, 2012]. Принципы научности подвергаются здесь «деконструкции», а критерием оценивания знания как объективного может быть объявлена даже, скажем, *интеллектуальная красота* – «плюрализм научных исследовательских программ и многообразие художественных стилей, свойственных коллажной, мозаичной постмодернистской науке и эстетике» [Маньковская, 2009, с. 185].

Идеи и принципы социального конструкционизма неоднократно анализировались в отечественной литературе – нет необходимости в их повторении здесь [Социальная эпистемология, 2011; Труфанова, 2010; Якимова, 1999]. Главные идеологи конструкционизма, Дж.Поттер, Дж.Шоттер, К.Герген, с разных позиций обосновывают его как метатеорию психологии: классические категории познания, мотивации, эмоции, научения и т.д. рассматриваются в логике конституирования в дискурсе, а «деятельность человека объявляется социо-лингвистически конституированной» [Hibberd, 2005, с. 25]. Хотя конструкционизм не является единым течением мысли, скорее – умонастроением, пронизывающим весь культурный ландшафт XX столетия, начиная от эстетики русского конструктивизма [Василюк и др., 2013], однако при всей неоднородности конструкционизма можно выделить следующие его общие познавательные установки: [Burr, 2003]: 1) критическая позиция по отношению к само-собой-разумеющимся способам понимания мира; 2) признание культурно-исторической обусловленности знания; 3) взаимосвязь знания и социального действия.

Качественные исследователи обращаются к идеям социального конструкционизма для отмежевания от эпистемологии позитивизма [Улановский, 2006; Guba, Lincoln, 2005; Marvasti, 2004],

отождествляемого с количественным и экспериментально-статистическим подходом – неправомерность такого тезиса была раскрыта выше; кроме того, сам по себе позитивизм – течение многоликое и имеет множество вариаций в истории философии, что делает проблематичным однозначное определение понятия. Тем не менее в современной литературе предпринимается опыт осмысления позитивизма и конструкционизма как противоположных познавательных установок, принятие которых влечет за собой вполне определенные *методологические следствия* [Sullivan, 2010]. Кратко охарактеризуем их.

Принятие позитивистской установки влечет за собой *методологические следствия*:

- 1) позитивистские представления означают, что исследователи скептически относятся к использованию субъективных самоотчетов в качестве данных, так как в этом случае они не имеют возможности непосредственно наблюдать изучаемые феномены;
- 2) цель исследования заключается в освобождении от ценностных предпочтений и достижении максимальной объективности, что достигается правильным использованием объективного методического инструментария;
- 3) предпочтение отдается количественным, «цифровым» данным – качественные интерпретации воспринимаются с подозрением;
- 4) эксперимент объявляется главным исследовательским методом, ибо, с позитивистской точки зрения, он позволяет контролировать и управлять переменными для установления устойчивых связей между ними;
- 5) такого рода репликация позволяет создать паттерн устойчивых связей, что, следовательно, помогает нам построить каузальные законы – в этом и заключается основная цель научного исследования.

Конструкционистская установка предполагает следующие следствия:

- 1) академические попытки объяснить то, что происходит в мире, не могут быть объективно оценены с точки зрения их истинности – необходимо сфокусировать внимание на том, как наши понимания непосредственно оцениваются самими людьми;
- 2) задача психологического исследования заключается не в открытии пред-существующей и раз и навсегда установленной истины; конструкционизм заинтересован в идентификации и раскрытии последствий того, как рассматривается та или иная проблема; истина есть нечто, что мы извлекаем через социальные взаимодействия через активное конструирование и придание смысла окружающей действительности;
- 3) основной метод исследования – изучение языка (дискурс-анализом);
- 4) методы позволяют раскрыть значения как социальные конструкции.

Установки и принципы конструкционизма по-разному реализуются в трех современных социально-психологических концепциях – *дискурсивной* и *нарративной психологии*, а также в *критической психологии*, которые ориентируются на качественную методологию исследования [Gergen, Gergen, 2008]. Кратко охарактеризуем их.

Символическая дата рождения дискурсивной психологии – 1987 г., когда вышла в свет книга Дж.Поттера и М.Уэзерелл «Дискурс и социальная психология: по ту сторону аттитюдов и поведения» [Potter, Wetherell, 1987], а собственное название она получила в одноименной книге Д.Эдвардса и Дж.Поттера [Edwards, Potter, 1992]. Отталкиваясь от идей Л.С.Выготского,

Л.Витгенштейна, Дж.Остина и Г.Гарфинкеля, дискурс-аналитики отказываются от когнитивистского тезиса о том, что язык выражает внутренние ментальные процессы, и утверждают: психологические понятия конструируются в разговорах и текстах, образующих содержание социальной жизни, то есть язык по отношению к категориям обыденного сознания обладает перформативной функцией. Таким образом, считают Поттер и Уэзерелл, удастся преодолеть «когнитивный редукционизм», сводящий лингвистическое поведение только к ненаблюдаемым когнитивным процессам, при этом они не выносят никакого суждения об онтологическом статусе внутренней психической реальности; дискурс-аналитики интересуются, как люди используют язык в различных ситуациях для объяснения социальных событий или позиционирования идентичности, «вписывания» в одобряемый и разделяемый членами сообщества нормативный порядок.

Отсюда на раннем этапе развития дискурсивной психологии инструментом анализа объявлялся *интерпретативный репертуар* – набор понятий, который используется для описания социальных действий и событий и обычно выстраивается вокруг специфических метафор и фигур речи [Potter, 1996]. Характеристики интерпретативного репертуара – это готовность к использованию в конкретных ситуациях, а также гибкость и изменчивость, позволяющие объяснить различные социальные события и классифицировать их.

Дискурсивная психология исходит из четырех допущений [Potter, 2012]: 1) дискурс ориентирован на действие; 2) дискурс произведен от следующих ситуаций: *во-первых*, последовательности реплик разговора, который происходит здесь-и-сейчас, *во-вторых*, институционального пространства организации практик повседневной жизни, *в-третьих*, риторических отношений между собеседниками и используемой ими аргументации; 3) дискурс сам конструируется грамматическими структурами, словами, метафорами и т.д. и вместе с тем конструирует различные версии социального мира; 4) дискурс может быть продуцирован как «субъективный» (психологический) или «объективный». В контексте дискурсивной психологии рассматриваются также теории позиционного анализа Р.Харре и риторической психологии М.Биллига [Wooffitt, 2005].

Отдельно выделяется направление *критической дискурсивной психологии*, которое представлено в двух основных формах: *критического* (Р.Водак, Т.ван Дейк, Н.Фэркло) и *фуколдианского* (М.Аррибас-Аллон, В.Валкердин, Я.Паркер) дискурс-анализа. Первый из них изучает институционально закрепленные формы распределения, воспроизводства и оправдания в дискурсе отношений власти между социальными группами; интересующая критический дискурс-анализ проблематика – исследование идеологии, доминирования и неравенства в дискурсах медиа и политики, а также транслируемых в них расистских и сексистских предубеждений. Важно отметить, что критический дискурс-анализ – это не метод, а междисциплинарное направление исследований, которое отвечает на вопрос о том, «как социальное неравенство выражается, утверждается, узаконивается с помощью использования языка (дискурса)» [Wodak, Meier, 2009, с. 10].

Фуколдианский анализ, чьи концептуальные истоки можно проследить в работах М.Фуко, Л.Альтюссера и Н.Роуза, нацелен на раскрытие трех основных тем: истории и генеалогии дискурсивных практик, задающих отношения знания и власти, конкретных дискурсивных технологий контроля власти и субъективизации – как через телесные или символические практики конституируется индивидуальное Я человека, какой культурный репертуар интерпретации себя и окружения и управления своими моральными позициями доступен участникам взаимодействия [Arribas-Ayllon, Walkerdine, 2008]. Фуколдианский и критический дискурс-анализ апеллируют к макроуровню социальной структуры, в то время как дискурсивная психология фокусируется скорее на микроуровне ситуативных интеракций; вместе с тем на практике понятия интерпретативного репертуара и дискурса в двух соответствующих формах дискурс-анализа оказываются весьма близки [Holt, 2008].

Критическая дискурсивная психология отражает идеи и принципы более широкого движения

критической психологии, которая пересматривает нормативные представления, определяющие развитие теорий и исследований в психологии. Ключевая задача данного направления – раскрыть, как научное знание обусловлено отношениями власти в данном обществе, дискурсами и способами научной коммуникации, особенностями политической и дисциплинарной институализации психологии, или, иными словами, каким образом «психология отражает, а значит, и воспроизводит современные культурно-специфичные и исторически обоснованные предположения о природе человека, его опыте и поведении» [Паркер, 2008, с. 9.] Такая постановка вопроса приводит к смене и «децентрации» субъекта психологии [Henrique et al., 1984], «деконструкции» традиционных для психологии направлений, в частности социальной психологии [Deconstructing social psychology, 1990], психологии развития [Бурман, 2006]. Фокус критики – это политическая нейтральность психологии и подлежащие ей идеологии и социальные интересы [Tuffin, 2005].

Наконец остановимся на последнем из трех названных направлений качественных исследований – *нарративной психологии*. Символическим годом ее рождения считается 1986 г., когда увидели свет три уже ставшие классическими книги – «Исследовательское интервью» Э.Мишлера [Mishler, 1986], «Нарративная психология» Т.Сарбина [Sarbin, 1986] и «Актуальные сознания, реальные миры» Дж.Брунера [Bruner, 1986], позволившие говорить о вполне самостоятельной традиции нарративной психологии [Murray, Sargeant, 2012]. Главный тезис нарративной психологии заключается в том, что идентичность человека – это «интернализованная жизненная история», представляющая собой психосоциальный текст, который создается человеком и культурой [МакАдамс, 2008, с. 160]. Если идентичность понимается как история или текст, она, следовательно, может быть рассмотрена с точки зрения нарратологии – науки, чей предмет составляют принципы повествования, задающие его способность обладать значением [Трубина, 2002]. Раз человек осмысляет свой опыт в нарративных структурах, то возможен и обратный путь – проанализировать эти структуры и раскрыть их психологические функции – как они помогают упорядочить познание мира и «вписаться» в тот или иной социальный порядок.

Нарратив – это набор «инструкций и норм, предписывающих, что следует и чего не следует делать в жизни, и определяющих, как тот или иной индивидуальный случай может быть интегрирован в некий обобщенный и культурно установленный канон» [Брокмейер, Харре, с. 37]. Хотя Брокмейер и Харре предостерегают от ошибочного, по их мнению, понимания нарратива как репрезентации додискурсивной ментальной реальности (ибо сам нарратив является формой, внутренне присущей нашим способам познания мира – что следует, в частности, из утверждения Л.С.Выготского о символическом опосредовании психических функций), в реальных практических исследованиях остро встает вопрос об изменчивости рассказа и суждений респондента в различных ситуациях.

Из-за этого методологического затруднения возникает гипотеза о соответствии (*correspondence hypothesis*) нарративной организации рассказа человека о себе и его внутреннего опыта [László, 2008], которая по-разному решается в двух концепциях нарративного интервью, предложенных Ф.Шютце и Г.Розенталь [Рождественская, 2012]. В первом случае речь ведется о подобии организации нарратива и процесса развития биографической истории, в то время как во втором осторожнее говорится о соотношении пережитого времени как способе осмысления прошлого – ведь человек в тот или иной момент времени может рассказывать о себе разное и вносить изменения в повествование. Для анализа процессов конструирования идентичности и биографии используются методы нарративного интервью и анализа.

Сказанное означает, что нарративный и дискурс-анализ, критическая психология в современных качественных исследованиях, будучи тесно связанными с лингвистическими концепциями, не только определяют особый взгляд на психологическую реальность, но и во многом требуют осмысления классических психологических теорий и понятий в новых эпистемологических и понятийных контекстах. Поэтому неудивительно, что в последнее время появились, в частности, учебные пособия по социальной психологии, которые претендуют на метаанализ качественных исследований, выполненных в дискурсивной и критической традициях, «переписывая» когнитивные механизмы социального познания – установки, атрибуции, стереотипы, предубеждения и ряд других

– в новых теоретических ракурсах [Stainton Rogers, 2011].

Добавим еще один сюжет – проблема соотношения *качественных культуральных, феминистических и квир-исследований*, выходящих за строгие границы психологической проблематики, но вместе с тем отражающих наметившиеся тенденции к рассмотрению ее в междисциплинарном ракурсе.

Культуральные исследования – это особая, смежная в отношении социальных и гуманитарных наук область знания, для которой характерны 1) ориентация на изучение современной культуры, 2) интерес к микроуровню формирования отдельных культурных событий, 3) внимание к политической власти и механизмам, как культура создает формы власти, воплощает ее интересы и вместе с тем ей сопротивляется [Эткинд, 2006]. Культуральные исследования проводятся качественными методами [Saukko, 2003], но на сегодняшний день они находятся лишь на стадии активного формирования.

Гендерные и отчасти связанные с ними *феминистические* исследования критикуют исторически сложившиеся отношения «мужчин» и «женщин», проблематизируя при этом само понимание женской субъективности и сексуальности; сторонники гендерной теории обращаются, помимо прочего, к качественным методам нарративного и дискурс-анализа для деконструкции социального порядка, который утверждает ряд стратегий патриархального контроля в межличностных коммуникациях и социальных позициях [Мещеркина, 2001].

Квир-исследования идут еще дальше – они ставят под сомнение сами понятия пола, гендера, сексуальности и субъективности, фокусируясь на маргинальных самоидентификациях и моделях гетеро- и гомосексуальной идентичности, производных от культурного контекста, а также дискурсивных формаций власти [Кроули, Броуд, 2002]. Оба направления относятся к критической ветви качественных исследований, которые становятся формой исследования действием и претендуют на осуществление изменений в обществе и достижение идеала равноправия в отношении институционального положения гендерных групп и идентификационных позиций в социальной иерархии.

Выводы

По итогам проведенного анализа исторического развития качественных исследований в психологии можно сформулировать три ключевых тезиса.

1. Специфика качественных исследований не определяется через оппозицию «номотетическое» – «идеографическое» как принадлежащих только к ее второй части. На основе качественных методов делаются самые разные обобщения, и единичные случаи – это только один частный фокус интереса качественных исследований. Некорректно объединять качественные исследования через противопоставление исследованиям количественным, ибо граница между двумя подходами оказывается не столь ясна: анализ исторических и интеллектуальных корней качественных методов показывает их огромное разнообразие, так что различие между подходами, относимыми к качественной методологии, может показаться даже большим, чем их отличие от некоторых исследований, включающих количественные компоненты.

2. Одна из наиболее важных методологических особенностей, объединяющая различные качественные подходы, – это постоянная рефлексия осуществляемых интерпретаций и обобщений, а также доступность всей процедуры преобразования данных возможным читателям и критикам. Не будет преувеличением сказать, что в центре методологии качественных исследований стоит особое отношение к образованию понятий, стремление сделать этот важнейший шаг в психологическом исследовании валидным и прозрачным. Представляется, что многим исследователям, которые следуют общепринятым методологическим стандартам, ориентированным на количественные

стратегии обработки данных, часто не хватает такого внимательного отношения к используемым понятийным структурам.

3. В логике предыдущего тезиса становится очевидным: качественная методология может рассматриваться как общенаучная исследовательская методология, позволяющая, в частности, критически отрефлексировать и эксплицировать основные логики и стратегии психологического объяснения. Собственно говоря, главная линия развития качественных исследований – это не только чисто инструментальное развитие методов и техник, но и осмысление пройденного психологией за последние два столетия исторического пути. Качественная методология претендует сегодня ни много ни мало на то, чтобы называться герменевтикой психологии и, следовательно, ответить на вопрос, как осуществляется научно-психологическое познание мира и места человека в нем – и в этом заключается ее *гуманистическая* ориентация.

Литература

Адорно Т. [Adorno T.] Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012.

Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия. М.: Аспект Пресс, 2001.

Брокмейер Й., Харре Р. [Brockmeier J., Harré R.] Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. Вопросы философии, 2000, No 3, 29–42.

Бурман Э. [Burman E.] Деконструктивная психология развития. Ижевск: Удмуртский университет, 2006.

Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М, 2013.

Василюк Ф.Е., Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г., Петровский А.В., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Методология психологии: проблемы и перспективы. СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2013.

Власова О. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М.: Территория будущего, 2010.

Гадамер Г.-Г. [Gadamer H.-G.] Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.

Гарфинкель Г. [Garfinkel H.] Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.

Красавин И.Т. (Ред.). Социальная эпистемология: идеи, методы, программы. М.: Институт философии РАН, 2010.

Кроули С.Л., Броуд К.Л. [Crowley S.L., Broad K.L.] Конструирование пола и сексуальностей. Гендерные исследования, 2010, No. 20–21, 12–50.

МакАдамс Д. [McAdams D.] Психология жизненных историй. Методология и история психологии, 2008, 3, 135–166.

Маньковская Н.Б. Феномен постмодернизма: художественно-эстетический ракурс. СПб.: Университетская книга, 2009.

Мещеркина Е.Ю. Феминистский подход к интерпретации качественных данных: методы анализа текста, интеракции и изображения. В кн.: Введение в гендерные исследования. СПб.: Алетейя, 2001. С. 197–237.

- Мертон Р. [Merton R.] Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
- Орлова Э.А. История антропологических учений. М.: Академический проект, 2010.
- Орлова Э.А. Социология культуры. М.: Академический проект, 2012.
- Паркер Я. [Parker I.] Психоанализ и критическая психология. В кн.: Ежегодник истории и теории психоанализа. М.: ERGO, 2008. Т. 2, с. 9–21.
- Пигров К.С. Социальная философия. СПб.: С.-Петербург. гос. университет, 2005.
- Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2012.
- Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: Канон+, 2009.
- Страусс А., Корбин Дж. [Strauss A., Corbin J.] Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Едиториал УРСС, 2001.
- Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Уральский университет, 2002.
- Труфанова Е.О. Единство и множественность Я. М.: Канон+, 2010.
- Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии. Вопросы психологии, 2006, №. 3, 27–37.
- Улановский А.М. Феноменологическая психология: качественные исследования и работа с переживанием. М.: Смысл, 2012.
- Шюц А. [Schütz A.] Феноменология и социальные науки. В кн.: С.Я. Левит (Ред.), Антология: логика наук о культуре. СПб.: Университетская книга, 2009. С. 517–536.
- Хабермас Ю. [Habermas J.] Техника и наука как идеология. М.: Праксис, 2007.
- Хайдеггер М. [Heidegger M.] Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997.
- Холмогорова А.Б. Общая патопсихология. М.: Академия, 2010.
- Эткинд А.М. Введение. В кн.: А.М. Эткинд, П. Лысаков (Ред.), Культуральные исследования. СПб.: Европ. университет в Санкт-Петербурге, 2006. С. 7–26.
- Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН, 1999.
- Arribas-Ayllon M., Walkerdine V. Foucauldian discourse analysis. In: C. Willig, W.S. Rogers (Eds.), The Sage handbook of qualitative research in psychology. London: Sage, 2008. pp. 91–108.
- Bruner J. Actual minds, possible worlds. Cambridge: Harvard University Press, 1986.
- Burr V. Social constructionism. New York: Routledge, 2003.

- Charmaz K. Grounded theory. In: J.A. Smith, R. Harré, L. van Langenhove (Eds.), *Rethinking methods in psychology*. London: Sage, 1995. pp. 27–49.
- Charmaz K. *Constructing grounded theory: A practical guide through qualitative analysis*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006.
- Clarke A.E. *Situational Analysis: Grounded theory after the postmodern turn*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.
- Coulon A. *Ethnomethodology*. Thousand Oaks, California: Sage, 1995.
- Eatough V., Smith J.A. Interpretative phenomenological analysis. In: C. Willig, W. Stainton-Rogers (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage, 2008. pp. 179–194.
- Edwards D., Potter J. *Discursive psychology*. London: Sage, 1992.
- Gergen K.J., Gergen M.M. Social construction and psychological inquiry. In: J.A. Holstein, J.F. Gubrium (Eds.), *Handbook of constructionist research*. New York: The Guilford Press, 2008. pp. 171–188.
- Giorgi A.P., Giorgi B. Phenomenological psychology. In: C. Willig, W. Stainton-Rogers (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research in psychology*. London: Sage, 2008. pp. 165–178.
- Glaser B. *Basics of grounded theory analysis: Emergence vs. forcing*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1992.
- Glaser B.G., Strauss A.L. *The discovery of grounded theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.
- Guba E.G., Lincoln Y.S. Paradigmatic controversies, contradictions and emerging confluences. In: N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research*. Thousand Oaks: Sage, 2005. pp. 191–216.
- Have ten P. *Understanding qualitative research and ethnomethodology*. London: Sage, 2004.
- Henriques J., Hollway W., Urwin C., Venn C., Walkerdine V. *Changing the Subject*. London: Methuen, 1984.
- Heritage J. *Garfinkel and ethnomethodology*. Cambridge: Polity Press, 1996.
- Hibberd F.J. *Unfolding social constructionism*. New York: Springer, 2005.
- Holt A. Discourse analysis approaches. In: N. Frost (Ed.), *Qualitative research methods in psychology: combining core approaches*. New York: Open University Press, 2011. pp. 66–91.
- König H.-D. Deep-structure hermeneutics. In: U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke (Eds.), *A companion to qualitative research*. London: Sage, 2004, pp. 313–320.
- László J. *The science of stories: an introduction to narrative psychology*. New York: Routledge, 2008.
- Marvasti A.M. *Qualitative research in sociology*. London: Sage, 2004.
- McLeod J. *Qualitative research in counselling and psychotherapy*. London: Sage, 2001.
- Mishler E.G. *Research interviewing: Context and narrative*. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

- Murray M., Sargeant S. Narrative psychology. In: D. Harper, A.R. Thompson (Eds.), *Qualitative research methods in mental health and psychotherapy*. Chichester: Wiley, 2012. pp. 163–175.
- Parker I. *Qualitative psychology: introducing radical research*. Buckingham: Open University Press, 2005.
- Parker I., Shotter J. (Eds.). *Deconstructing social psychology*. London: Routledge, 1990.
- Potter J. Discourse analysis and constructionist approaches: theoretical background. In: J.T.H. Richardson (Ed.), *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Leicester: BPS Blackwell, 1996. pp. 125–140.
- Potter J. Discourse analysis and discursive psychology. In: H. Cooper (Ed.), *APA handbook of research methods in psychology: Vol. 2. Quantitative, qualitative, neuropsychological, and biological*. Washington: American Psychological Association Press, 2012. pp. 111–130.
- Potter J., Wetherell M. *Discourse and social psychology: beyond attitudes and behavior*. London: Sage, 1987.
- Reichertz J. Objective hermeneutics and hermeneutic sociology of knowledge In: U. Flick, E. von Kardorff, I. Steinke (Eds.), *A Companion to Qualitative Research*. London: Sage, 2004. pp. 290–295.
- Rogers W.S. *Social psychology*. Maidenhead: Open University Press, 2011.
- Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest systematics for the organisation of turn-taking for conversation, *Language*, 1974, 50(4), 696–735.
- Sarbin T. (Ed.). *Narrative psychology: The storied nature of human conduct*. New York: Praeger, 1986.
- Sauko P. *Doing qualitative research in cultural studies: an introduction to classical and new methodological approaches*. London: Sage, 2003.
- Sullivan C. Theory and method in qualitative research. In: M.A. Forrester (Ed.), *Doing qualitative research in psychology: a practical guide*. London: Sage, 2010. pp. 15–38.
- Tuffin K. *Understanding critical social psychology*. London: Sage, 2005.
- Wodak R., Meyer M. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology. In: R. Wodak, M. Meyer (Eds.), *Methods of critical discourse analysis*. London: Sage, 2009. pp. 1–33.
- Wooffitt R. *Conversation analysis and discourse analysis: A Comparative and Critical Introduction*. London: Sage, 2005.

Поступила в редакцию 3 сентября 2013 г. Дата публикации: 17 февраля 2014 г.

[Сведения об авторах](#)

Мельникова Ольга Тимофеевна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: kcp@psy.msu.ru

Кричевец Анатолий Николаевич. Доктор психологических наук, профессор, кафедра методологии психологии, факультет психологии, Московский государственный университет

имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: ankrich@mail.ru

Хорошилов Дмитрий Александрович. Кандидат психологических наук, научный сотрудник, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.

E-mail: kcp@psy.msu.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 2. Психологические исследования, 2014, 7(33), 4. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Мельникова О.Т., Кричевец А.Н., Хорошилов Д.А. Историко-эпистемологический контекст развития качественных исследований в психологии. Часть 2 // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/930-melnikova33.html>

[К началу страницы >>](#)